

валятся головы о сыру землю). Однако общее впечатление должно быть проверено конкретным анализом.

Прежде всего очень существенно то обстоятельство, что в стоящей рядом со «Сказанием» «Задонщине» сходная стилистическая манера не только ощущается довольно ясно, но и возведена в один из основных принципов повествования. Здесь неоднократно встречаются эпитеты «золоченые доспехи» и «шелом золотой», «мечи булатные», «борзые комони», «погании татарове» и т. д., т. е. эпитеты, о которых можно говорить как о фольклорных. Между тем лишь отчасти есть основание обращаться в поисках прямых источников этих эпитетов к народной поэзии, поскольку ряд таких «постоянных» эпитетов заимствован в данном случае из «Слова о полку Игореве».

«Сказание», очевидно, может быть в этом смысле сопоставлено с «Задонщиной». Другими словами, когда мы обнаруживаем поэтические эпитеты, мы не можем так уже определенно выводить их непосредственно из песни. Вполне возможно, что какие-то из них пришли в «Сказание» из «Задонщины».

Но если даже согласиться с тем, что автор (или редактор) брал их прямо из фольклора, то встает вопрос о методике заимствования и о его пределах. Иными словами, мы еще не знаем, попал ли данный комплекс эпитетов в «Сказание» в составе цельного народно-песенного произведения или же эти эпитеты пришли сюда в форме художественных элементов, отделившихся от конкретных фольклорных текстов. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к отрывку как к художественному целому.

Былинный эпос такого рода описаний не знает. В былинах не изображается битва, в которой участвовала бы масса войска и в которой обе стороны несли бы одинаково потери. Воинские описания в эпосе могут быть сведены к трем типам: поединок русского богатыря с вражеским; уничтожение богатырем вражеского войска; уничтожение того же войска группой богатырей, и ни один из этих типов не соотносится ни сюжетно, ни стилистически с рассматриваемым отрывком из «Сказания». В эпосе выражения вроде «лется кровь богатырская по седельцам по кованым» или «валятся головы многих богатырей с добрых коней о сыру землю» просто невозможны, так как в былинных битвах ничего подобного не происходит. Картинность, внешняя эффектность, яркость в изображении битвы вообще не в духе русского эпоса, точно так же как не соответствует эпосу и некоторая приподнятая эмоциональность воинских описаний.

Напротив, воинские описания в былинах предельно сжаты, даже несколько суховаты и отнюдь не занимают в повествовании решающего места. Следовательно, не в былинах следует искать непосредственный источник (если таковой вообще имеется) разбираемого эпизода «Сказания».

Но и в исторических песнях (во всяком случае старшего периода) трудно найти прямые соответствия. Правда, воинские описания здесь иногда даются, как и в эпизоде «Сказания», в отвлечении от конкретного сюжетного движения, приобретают самостоятельный характер, эмоционально окрашиваются. Появляются картины, содержащие обобщенные метафоры боя. Но, во-первых, такие описания чрезвычайно редки, а во-вторых, они не составляют сколько-нибудь прямых параллелей к имеющемуся описанию в «Сказании».

Можно считать, что данный отрывок не есть часть песни и что в фольклоре XIV—XV вв. не было песни (о Куликовской битве или о другом каком-то событии) с такого рода эпизодом. Автор (или один из поздних редакторов) «Сказания о Мамаевом побоище» сам создал поэтическую картину сражения, с одной стороны, опираясь на книжную традицию